О. А. Митько, Ю. В. Тетерин

Новосибирский государственный университет ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия E-mail: omitis@gf.nsu.ru

ТАШТЫКСКАЯ КРЕМАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА СТАРООЗНАЧЕНСКАЯ ПЕРЕПРАВА I) *

Для таштыкской культуры характерны различные виды погребальной обрядности. В склепах и грунтовых могилах встречаются ингумации (включая вторичные захоронения) и кремации. В 1996 г. в грунтовой могиле 29 на могильнике Староозначенская Переправа I в Шушенском районе Красноярского края зафиксировано погребение, в котором останки кремации были расположены с соблюдением анатомического порядка. Само сожжение было совершено на стороне. В могилу с погребального костра были перенесены уже остывшие останки. Кости были уложены по контуру фигуры человека, выполненной в натуральную величину. Среди них обнаружены металлические детали пояса, бронзовая подвеска и небольшой сосуд на поддоне. Подобное погребение встречается в таштыкских погребальных памятниках впервые. Близкие археологические параллели прослеживаются в материалах раскопок могильника Верхнеобской культуры Озерки I. Размещение сожженных останков в погребении в соответствии с анатомическим порядком типологически может быть сопоставимо с ритуальным складыванием обожженных костей в древнеиндийском погребальном обряде астхисанчаяна.

Ключевые слова: ингумация, кремация, таштыкская культура, Староозначенская Переправа, Шушенский район, кости, погребальный обряд, кыргызы, вторичные захоронения.

Одной из оригинальных и своеобразных черт таштыкской археологической культуры является биритуализм погребальной обрядности, который выражается в сочетании погребений по обряду трупоположения и трупосожжения. По обряду трупоположения хоронили, как правило, мумии и мумифицированные останки и очень редко трупы. Трупосожжения характеризуются как совершенные на стороне с последующим переносом собранного на погребальном костре праха на кладбище и захоронения его в специально изготовленной кукле или манекене. Причем, если вопросы, связанные с изучением таштыкской мумификации, всегда привлекали внимание исследователей, то обряд трупосожжения изучен в гораздо меньшей степени, поскольку все, что связано с процессом сожжения и различными манипуляциями с кремированными останками, может быть реконструировано лишь гипотетически.

Помимо археологических данных основой для построения гипотез служат антро-

пологические исследования, опирающиеся на разработки в области судебной медицины и экспериментальной археологии. Подобный междисциплинарный подход применяется при изучении практически всех археологических культур, для которых обряд трупосожжения является преобладающим [Mäder, 2002. S. 123–124].

Информация, получаемая в процессе антропологического изучения кальцинированных костей, включает в себя данные, помогающие реконструировать процесс кремации и установить видовую и половозрастную принадлежность кремированных останков [Козловская, 1998. С. 175].

Важную роль в интерпретации археологического материала играют письменные свидетельства и этнографо-этнологические описания процесса кремации у разных народов. Вопрос о принципиальной соотносимости археологических и этнографических источников поставлен и апробирован в конкретных научных исследованиях уже достаточно дав-

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-0163511а/Т).

но [Итина, 1979. С. 15]. Наиболее продуктивным является изучение поздних археологических памятников, связанных с этнической группой, хорошо изученной этнографами. Для более ранних исторических периодов привлекаемые этнографические данные крайне редко в полном объеме дополняют результаты археологических исследований, но их значение заключается в другом: показывая сложность и многообразие культурных явлений, они актуализируют археологические источники и позволяют предложить конструктивные направления их интерпретации. Это обстоятельство особенно важно учитывать при анализе памятников таштыкской культуры, в которой кремации фиксируются на протяжении всего времени ее существования и проявляются в самых различных формах погребально-поминальной обрядности (грунтовых могилах, склепах, каменных выкладках).

Новые материалы, позволяющие дополнить этнокультурную интерпретацию таштыкской ритуальной практики, получены в результате раскопок могильника Староозначенская Переправа I, расположенного в Шушенском районе Красноярского края. Памятник находится на правом берегу Енисея, напротив г. Саяногорск, рядом с лодочной переправой в пос. Означенное. Он содержит погребальные и поминальные сооружения афанасьевской, тагарской и таштыкской эпох. Наибольшее количество раскопанных объектов относится к таштыкскому времени. Стратиграфические наблюдения позволяют четко разделить таштыкские памятники на две хронологические группы: раннюю, представленную детскими и взрослыми грунтовыми могилами, и позднюю, включающую склепы, детские могилы с каменными надмогильными сооружениями, а также каменные стелы и деревянные столбы с остатками поминальных тризн [Тетерин, 1994; 2000].

В 1996 г. в ходе изучения могильника в раскопе VIII была исследована могила № 29, содержавшая необычное для таштыкских грунтовых могил одиночное захоронение по обряду трупосожжения. В раскопе VIII, площадь которого составляла более 40 кв. м, были обнаружены две ранние большие грунтовые могилы (№ 27, 29) и объекты позднеташтыкского времени: детская могила (№ 28), ряд из шести поминальных стел (помины 22–27) и неболь-

шое скопление камней, под которыми находились кальцинированные кости и фрагменты керамики (об. 21). Могилу № 27, где были найдены фаланги от костей ног человека в сопровождении небольшого глиняного сосудика котловидной формы, трех фрагментов железных изделий (стержней и шильев?), астрагалов барана и коровы и остатков погребальной пищи (сохранились лопатка и два ребра барана), можно отнести к парциальным захоронениям. В могиле № 28 остатков человеческих захоронений не обнаружено, но, судя по размерам и ориентации могильной ямы и по находкам рядом с могилой двух керамических сосудов баночной формы (аналогичные встречены в детских могилах позднего этапа данного могильника), ее также можно отнести к детской, в которой погребение не сохранилось. Возле пяти стел остатки поминальных тризн не сохранились. Среди камней разрушенной стелы 27 найдены фрагменты глиняного раздавленного сосуда, а рядом глиняный баночный сосуд с обломанным верхом, доверху наполненный кальцинированными человеческими костями (рис. 1).

Наиболее интересные результаты получены в ходе раскопок могилы № 29. Она представляла собой яму прямоугольной в плане формы с округленными углами, размерами $2,6 \times 1,6$ м, глубиной около 1 м от погребенной почвы. Ориентирована длинной осью по линии юго-запад-северо-восток. По периметру дна на расстоянии 10-50 см друг от друга лежало 12 камней, имеющих различный вес и форму (1 речная галька, остальные – скальные обломки), а в центральной части находилось погребение по обряду трупосожжения на стороне. Кальцинированные кости были размещены на подстилке из какого-то органического материала, скорее всего войлока (рис. 2, 3). Не исключено, что с помощью камней подстилка фиксировалась на дне могильной ямы, либо ими прижимали покров над кальцинированными останками. Такие же камни на дне у стенок могил, но в меньшем количестве встречались и в других грунтовых могилах данного памятника. Все они находились в могилах, где не было деревянных внутримогильных сооружений [Тетерин, 2000. Рис. 1, б, в].

Кости были уложены по контуру фигуры человека, выполненной в натуральную вели-

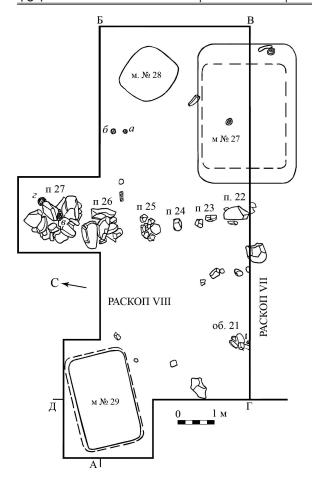

Рис. 1. План раскопа VIII на могильнике Староозначенская Переправа I: $a, \, 6, \, 8, \, 2$ – керамические сосуды

чину. На месте головы фиксировались сожженные фрагменты черепа, на месте костей рук и ног - фрагменты длинных костей, в районе туловища – фрагменты ребер, позвонков и таза. Головой погребенный ориентирован в юго-западном направлении (рис. 2, 3). В области груди среди кальцинированных костей найдена бронзовая треугольная подвеска с загнутыми краями, в области пояса – две железных пряжки: прямоугольная с подвижным язычком и овальная с неподвижным шпеньком (рис. 4, 1-3). Рядом с правой ногой был поставлен небольшой глиняный котловидный сосуд, украшенный под венчиком двумя острореберными валиками. Высота сосуда 11,5 см, высота поддона 3,5 см, наибольший диаметр тулова 10 см (рис. 5).

Судя по форме и плохому качеству обжига, сосуд изготовлен специально для погребения. Подобные грубо изготовленные сосуды, являющиеся глиняными имитациями бронзовых котлов и предназначенные, вероятно,

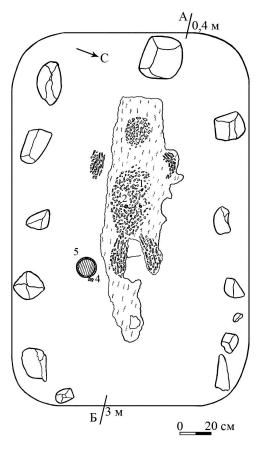

Рис. 2. План погребения с имитаций скелета человека, выложенного из останков кальцинированных костей в могиле № 29:

I – бронзовая подвеска; 2, 3 – железные пряжки; 4 – астрагал барана; 5 – котловидный сосуд

только для погребальных церемоний, широко представлены во всех грунтовых таштыкских могильниках [Вадецкая, 1999. Табл. 24, I-15; 34, I-8; 40, I-2I; 129, I-33]. Известен на таких сосудах и орнамент в виде налепного валика. Но на данном экземпляре валики не налепные, а выдавлены пальцами по сырому тесту [Там же. С. 43; Табл. 129, 4, I0].

Металлические пряжки сравнительно редко встречаются в таштыкских грунтовых могилах, поскольку чаще всего они заменялись аналогичными деревянными моделями. Овальные железные пряжки со шпеньком и слегка вогнутыми рамками и прямоугольные пряжки с подвижным язычком появились в Минусинской котловине на тесинском этапе и продолжали широко употребляться в раннеташтыкское время [Пшеницына, 1975. Рис. 5, 5, 6; Тетерин, 1999. Рис. 2, 4, 10]. Бронзовая треугольная подвеска индивидуальна и не находит аналогов в древностях Минусинской котловины и сопредельных территорий. Вероятно,

Рис. 3 (фото). Погребение в могиле № 29 (вид с северо-востока)

в погребении она играла роль символа какого-то реального украшения.

Э. Б. Вадецкая, познакомившись с материалами данного погребения, пришла к выводу, что трупосожжение производилось непосредственно в могиле [Вадецкая, 1999, С. 14]. Однако наши наблюдения, сделанные в ходе исследования данного захоронения, позволяют уверенно утверждать, что костер в могильной яме не разводился. Следов прокала стенок или нагара на камнях нигде не фиксировалось. Остатки подстилки не имеют никаких признаков воздействия огня, а среди сожженных костей почти нет углей. Железные пряжки сильно корродированны и также не были в огне. Таким образом, есть все основания говорить о том, что кальцинированные кости были либо принесены на органической подстилке с места сожжения, которое в таком случае могло быть недалеко от погребения, либо помещены на нее непосредственно в могильной яме. Последнее предположение более вероятно, но в том или другом случае кости были собраны из остывшего погребального костра, который находился вне могильной ямы.

Добавим также, что на могильнике Староозначенская Переправа I традиция разведения огня в грунтовых могилах фиксировалась до-

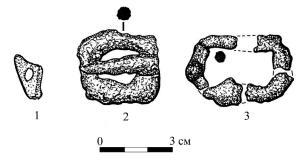

Рис. 4. Инвентарь из погребения в могиле № 29: I – бронзовая подвеска; 2–3 – железные пряжки

Puc. 5. Котловидный керамический сосуд из могилы № 29

статочно часто. Но сжигались не трупы погребенных, а деревянные внутримогильные конструкции (рамы или низкие срубы, перекрытые плахами или берестой). Внутри таких частично или полностью сожженных сооружений могли помещаться как мумии, так и куклы с вложенным мешочками с пеплом. Например, в могиле № 32, исследованной в раскопе IX, в практически полностью сожженной деревянной раме, перекрытой берестой, находилось компактное скопление сожженных человеческих костей округлой формы диаметром 40 см, а рядом с ним – железная пряжка и золотая обкладка ножен кинжала [Тетерин, Готлиб, 2006. С. 142–143]. В одиночных и парных могилах, где не было деревянных конструкций, как правило, следов огня не прослеживалось.

Несмотря на то, что кости в могиле № 29 сложены небрежно и передают лишь доста-

точно условную модель человеческого тела, мы можем говорить об имитации трупоположения из останков скелета умершего человека. В случае традиционного использования «кукол с пеплом» (манекенов), в которые мешочки с кальцинированными костями помещались в область груди, на дне могил фиксируется совершенно иной характер размещения костей. В непотревоженных могилах содержимое этих мешочков предстает в виде плотных или слегка расплывшихся кучек пепла округлой или неправильной формы, размерами от 25×20 см до 30×50 см. В них присутствуют крупные фрагменты костей, как правило, в длину до 4-5 см, и даже 8-10 см. Их вес в отдельных скоплениях может достигать 1-2 кг [Вадецкая, 1999. С. 21]. В склепах, где пепел часто помещался в различных емкостях (мешочках, берестяных коробах, деревянных ящичках, глиняных и деревянных сосудах), кучки пепла имеют меньшие размеры, а крупные фрагменты костей встречаются реже. Особый случай представляет собой помещение берестяных туесков с остатками сожжений в маски-урны, обнаруженные в таштыкском склепе на могильнике Белый Яр III. Туески обматывали травой, листьями, обтягивали либо обшивали кожей, и в таком виде они служили основой «болванки», на которой лепили гипсовую маску [Вадецкая, 2005. С. 142–144]. Вместе с этим в склепах часто встречаются ситуации, когда скопления костей образуют сплошной спрессованный слой толщиной до 30 см, в котором границы между отдельными захоронениями визуально не прослеживаются. Как исключение можно рассматривать зафиксированное расположение мумифицированных останков в сгоревшем склепе № 4 на могильнике Маркелов Мыс II [Митько, 1999. С. 167-168]. Целенаправленное расположение кальцинированных костей в анатомическом порядке в могиле № 29 на могильнике Староозначенская Переправа-І встречается в таштыкских погребальных памятниках впервые.

Изучение кремированных останков свидетельствует, что при сожжении многие кости скелета полностью не разрушаются. Лучше всего сохраняются кости черепа, рук и ног. Первоначально это объяснялось тем, что площадь погребального костра могла быть небольшой, и конечности лишь частично по-

падали в зону огня. Впоследствии было установлено, что интенсивность сгорания костей скелета зависит от общей массы тела и объема жировых отложений. Относительно лучшая сохранность отдельных костей связана не с расположением тела на костре, а с более тонкой жировой прослойкой на конечностях и черепе. В то же время при отборе костей из погребального костра крупные кости могли преднамеренно измельчить, в том числе и для того, чтобы они поместились в какуюлибо емкость [Wells, 1960. Р. 33].

Помимо крупных костей, на погребальном костре сохраняются и мелкие кости скелета, прежде всего, кости стопы и фаланги пальцев рук. Это объясняется тем, что при разрушении тела они попадают в прогоревший слой костра, имеющий более низкую температуру. Если угли костра не перемешивают, то фаланги пальцев не разрушаются вплоть до окончания кремации [Mays, 1998. P. 212]. Отмечено также, что фаланги пальцев рук могут сохраниться в том случае, если тело при сожжении лежало непосредственно на земле, а руки были заведены за спину. Зубы редко встречаются в кремированных останках - при высокой температуре коронки легко разрушаются, обламываясь на уровне шеек, но корни сохраняются в челюстной ячейке [Wells, 1960. Р. 33; Medina, 1965; Шутлик, 1971. С. 402].

Практические эксперименты показали, что фрагментированные останки можно довольно легко обнаружить и извлечь из прогоревшего костра даже неподготовленному человеку. Не составляет особого труда и сложить их в анатомическом порядке [Малина, Малинова, 1988. С. 208]. Однако редко можно обнаружить археологическое захоронение, содержащее полное количество костей, собранных с погребального костра. Подсчитано, что при кремации полностью сгорает примерно 15 % костной ткани. Средний вес сохранившихся костей ребенка в возрасте до 6 месяцев составляет всего 54 г, от 6 месяцев до 3 лет -185 г, от 3 до 13 лет – 661 г, от 13–25 лет – 2 191 г. Средних вес кремированных останков взрослого человека составляет 1 919 г. При этом на мужчин в среднем приходится 2 288 г (диапазон от 1 534 до 3 605 г), на женщин – в среднем 1 550 г (диапазон от 952 до 2 278 г) [Mays, 1998. Тb. 11.2]. Основные «потери» кальцинированной костной массы происходят при сборе останков. Так называемое явление «отсутствующих» костей фиксируется на всех памятниках с трупосожжениями. Например, средний вес костей из урновых погребений римскобританского могильника II в. до н. э. в Годманчестере составил около 777 г [Там же. Р. 220]. В черняховских захоронениях весовые данные костных останков колеблются от 0,5 до 642 г. При этом средний вес взрослых составляет всего 97,9 г, а детей – 15,7 г [Алексеева, 1975. С. 266]. Это позволяет считать, что с погребального костра собирали лишь незначительную часть кальцинированных костей.

Большое значение в изучении таштыкских погребений могли бы иметь исследования мест сожжений. Однако они неизвестны, да и сама проблема обнаружения подобных местонахождений является актуальной для всех культур, у носителей которых существовал обычай кремирования умерших. На территории Сибири известен «крематорий» на могильнике Ростовка и на Еловском II могильнике. В литературе отмечалось, что «крематории» на могильниках эпохи бронзы не являются редкостью [Матющенко, Синицына, 1988. С. 65]. Уникальным явлением, с точки зрения погребального обряда, можно считать сооружение для кремации на памятнике срубной культуры в Нижнем Поднепровье: в кургане № 1, расположенном в восточной группе курганов «Рясные могилы», находился каменный ящик, сооруженный из плит известняка квадратной формы (размеры $2,1 \times 2$ м, высота 0,3-0,45 м), внутри которого последовательно было совершено три кремации [Отрощенко, 1976. С. 178–180, рис. 4; 5].

В Южной Сибири также неизвестны памятники, хотя бы типологически близкие таким, как прикамские кострища гляденовской археологической культуры [Генинг, 1988. С. 134–179]. По мнению Э. Б. Вадецкой, представление о существовавшем у населения Мариинской лесостепи способе сожжения дают два костра на горе Арчекас у г. Мариинска [Вадецкая, 1999. С. 21]. Зафиксированные на ней деревянные конструкции представляли собой бревенчатые настилы на шести столбах, вкопанных в землю. На настилах были установлены срубы из двух венцов бревен, в которые уложены 5 и 9 человек, сожженных вместе с сосудами и вещами. Датирован памятник ру-

бежом эр [Кулемзин, 1979. С. 87-98]. Однако данные памятники относятся к погребальным комплексам, а не специализированным местам сожжений. Для них скорее характерна тагарская традиция сожжения погребальных сооружений, проявившаяся в конце подгорновского - начале сарагашенского этапов [Митько, 2006. С. 73]. А. И. Мартынов отметил, что, наряду с другими обрядовыми действиями, сожжение тел умерших могло происходить на площадке, находившейся в центре кургана. Об этом свидетельствуют следы обширных прокалов глины на шестом кургане Шестаковского могильника, датированном I в. до н. э. По наблюдениям А. И. Мартынова, в слое обожженной глины вокруг могильной ямы, занимавшем площадь радиусом более чем 8 м, встречались мелкие угли и обгоревшие кости [Мартынов, 1975. С. 231, 241]. Несмотря на привлекательность высказанной точки зрения о возможных местах сожжения тел умерших, материалы раскопок таштыкских склепов не дают оснований для того, чтобы принять ее в качестве основной гипотезы. Следы огня в насыпях и на каменных стенках склепов в степной части Среднего Енисея являются последствием сожжения деревянных камер.

Схожая ситуация складывается и с поиском мест сожжений енисейских кыргызов, связанных в этнокультурном отношении с таштыкцами. К настоящему времени в Минусинской котловине известно сожжение лиственничных бревен под насыпью кургана 2 средневекового могильника Кизек-Тигей. Земля под ними не была прокалена, и это дало основание предположить, что умершего сожгли на кибитке-арбе, которую обложили дровами [Кызласов, 1975. С. 96]. В то же время на территории соседней Тувы зафиксировано два местонахождения погребальных костров. Одно из них – недалеко от кыргызского могильника Сарыг-Хая, второе – на площадке, открытой А. В. Адриановым в Северной Туве. Как отметила Г. В. Длужневская, их обнаружение – явление крайне редкое и практически случайное [Длужневская, 2000. С. 235]. В то же время приемы археологического поиска кострищ с углем на основе методов электроразведки были предложены еще в середине 60-х гг. XX в., но для разведки мест, где производились кремации, они, насколько нам известно, не использовались [Комаров и др., 1967. С. 301–304].

В формально-типологическом отношении наиболее близкие археологические параллели ситуации, зафиксированной в могиле № 29 на могильнике Староозначенская Переправа I, дают материалы раскопок могильника Верхнеобской культуры Озерки-І, расположенном в Промышленновском районе Кемеровской области. В кургане № 8, где под одной насыпью было восемь погребений, совершенных по обряду кремации и ингумации, погребение 3 находилось в деревянной раме-обкладке $(1,27 \times 0,7 \text{ м})$, сооруженной из полубревен и перекрытой настилом из тесаных досок. Погребение представляло собой уложенный с соблюдением анатомического порядка и сохранением общего объема костей скелет – фрагментированных костей черепа, длинных костей верхних и нижних конечностей с эпифизами, костей грудной клетки и таза. Погребение ориентировано головой в восточный сектор, занимаемая им в раме-обкладке площадь составляла 0.8×0.47 м. Под костями находился берестяной подстил-«короб», который, возможно, служил носилками. Подстил был сооружен из двухслойного берестяного полотнища (его размеры $1,15 \times 0,6$ м), прикрепленного к продольному каркасу из двух брусков [Бобров и др., 2005. С. 212–215].

Погребение сопровождал инвентарь, позволяющий отнести умершего к категории воинов-всадников. Слева от кремированного погребения, от пояса до костей стоп, были уложены железный черешковый нож и сабля, типологически близкая к саблям «хазарского типа». Поверх ее окончания были расположены два футляра, возможно, от ножен и кожаного колчана. В ногах лежало два массивных железных стремени с горизонтальнопетельчатыми ушками, а на западном борту и стенке могилы был уложен фрагмент железного панциря, насчитывающий более 50 пластин удлиненно-прямоугольной формы. Эти находки позволили отнести погребение 3, а в целом и курган 8, ко времени не ранее рубежа ІХ-Х вв. н. э. [Там же. С. 217].

Среди культур, в хронологическом отношении синхронных таштыкской, также можно обнаружить аналогии погребению на Староозначенской Переправе, но в типологическом плане они не столь близки по сравнению

с погребением на могильнике Озерки I. Так, на фоминском грунтовом могильнике Усть-Абинский в соседней Кузнецкой котловине по дну могилы 5, представлявшей собой яму прямоугольной формы, ориентированную по линии ЮВ–СЗ (размеры 1,27 × 0,74 м, глубина 0,8 м) были рассыпаны кальцинированные кости предположительно мужчины 30–35 лет. При этом в юго-восточной части могилы наблюдалось скопление обломков черепа [Ширин, 2003. С. 36].

Особое отношение к кальцинированным останкам прослеживается и на могильнике Кокэль-11, для которого в целом не характерны погребения, совершенные по обряду трупосожжения. В могиле L, в одном из двух деревянных гробов, находились кальцинированные кости, сконцентрированные по дну тремя кучками. Одна кучка (обломки черепа) расположена в изголовье, вторая – по середине гроба, а третья – в ногах. В изголовье гроба, у фрагментов черепа, были расположены обломки керамического сосуда и модель деревянной ложечки, рядом корытообразное деревянное блюдо на четырех ножках и деревянные сосуды, в том числе и деревянная чашка, под которой находилась дощечка для добывания огня. Ближе к середине гроба зафиксирована деревянная палочка и железный наконечник дротика, деревянная центральная часть лука и деревянная фигурка женщины. Вокруг кальцинированных костей зафиксированы обломки железа, два железных ножа, кусочек деревянной палочки с резным орнаментом, два железных наконечника стрел и обломок круглой пряжки. За пределами гроба находились два керамических вазообразных сосуда [Дьяконова, 1970. С. 115, рис. 43].

На наш взгляд, археологически зафиксированные факты размещения кальцинированных костей в погребении в соответствии с анатомическим порядком вполне сопоставимы с раскладыванием обожженных костей в древнеиндийском обряде астхисанчаяна. По данным Р. Б. Пандея, обряд «собирания костей» утвердился в погребальной обрядности древних индийцев во времена сутр, когда возникает компромисс между кремацией и ингумацией. Согласно распространившемуся тогда обычаю, тело сжигали, но, чтобы сохранить древнюю традицию, останки стали собирать и закапывать через несколько дней после кремации.

В соответствии с предписаниями «Ашлаваяны», церемония «собирания костей» должна совершаться на тринадцатый или четырнадцатый день после смерти. В «Баудхаяне-питримедхасутре» предписывается третий, пятый или седьмой день после кремации.

Перед началом обряда угли должны быть окроплены молоком ¹ и водой, остатки костра разбрасывались палкой из дерева удумбара, чтобы отделить кости. Все это делалось с чтением мантр. Затем угли следовало собрать и отнести к югу, а кости оставить на месте. После этого должны быть совершены три приношения Агни. По обычаю школы Тайттирия, обязанность собирания костей возлагалась на женщин, предпочтительно старшую жену покойного. «Баудхаяна-питримедхасутра» предписывает, чтобы женщины прикрепляли к левой руке синей и красной нитью плод растения брихати и вступали на камень, затем вытирали свои руки плодом апамарга и с закрытыми глазами собирали кости левой рукой двумя пальцами ² [Пандей, 1990, С. 206].

Действия женщин были строго регламентированы: две женщины располагались у головы, две у ног и одна посередине. Взяв определенные кости или отдельные фрагменты, они по очереди произносили их название и складывали на одежду или в урну [Caland, 1967. S. 88]. Все действия сопровождались обращением к умершему: «Поднимись отсюда и при-

¹ Использование молока могло быть связано с тем что погребальный костер зажигали от «чистого» огня. У восточных славян, которые различали четыре вида огня, считалось грешным тушить водой пожар, загоревшийся от молнии, его можно потушить только молоком или квасом [Зеленин, 1991. С. 132, 424]. Связь молочных продуктов с почитанием «чистого» огня прослеживается и в ламаизме. В одной из монгольских «шаманских» рукописей приведена легенда, повествующая о том, как в Индии женщина плеснула в огонь домашнего очага молоко и божество огня Галахан разгневалось на нее [Попе, 1952. С. 182]. В то же время у монголов при погребении молочные продукты обильно засыпают поверх покойника. По мнению Н. Л. Жуковской, этот ламаистский ритуал является трансформацией обычая, восходящего к древнемонгольскому культу хозяйки огня и домашнего очага [Жуковская, 1988. C. 831.

² У грузин во время болезни ребенка мать перевязывает себе пальцы красной нитью [Бардавелидзе, 1957. С. 86]. Необходимо отметить, что повязка из красной шерстяной нити на кисти руки и в настоящее время считается у многих народов наиболее действенным оберегом.

ми новый вид. Не оставь ни одного из членов твоего тела. Отправляйся туда, куда желаешь. Пусть Савитар утвердит тебя там. Это одна из твоих костей. Соединив все кости, будь красив. Будь любим богами в обители благородных». Ритуал повторялся до тех пор, пока не были собраны все кости. Приведенная формула объясняет цели церемонии, показывая, что покойный должен был принять новый вид. Для этого считалось необходимым отправить каждую часть его тела в иной мир посредством сожжения с последующим погребением костей [Пандей, 1990. С. 206].

Затем кости обмывали и помещали в урну или завязывали в кусок шкуры черной антилопы. Сосуд или узел, содержащий кости, помещали на ветку дерева шами 3. Через определенное время кости человека, совершавшего при жизни жертвоприношения, сжигали снова, кости других умерших предавали погребению. Во время церемонии «шмашана» – «насыпание холма над останками покойного» – из травы выкладывали фигуру человека, на нее размещали кальцинированные останки и покрывали старой тканью. Затем сосуд, содержащий пепел, разбивали и над костями устанавливали памятник. Эта церемония принималась не всеми ритуальным школами и религиозными направлениями, а в современном индуизме она уже не сохранилась [Там же. С. 209–210].

Приведенные описания древнеиндийских погребальных церемоний периода создания сутр не ограничивают объяснение расположения кальцинированных костей в захоронении в соответствии с анатомическим порядком рамками только лишь одной, в данном случае ведической, схемы. Как правило, ее наложение на сибирский материал, особенно археологический, выглядит излишне прямолинейным, чтобы соответствовать истине, и легко подвергается критике. Это относится не только к ситуации, зафиксированной в могиле 29 на могильнике Староозначенская Переправа I, но и к ряду других явлений в области духовной культуры народов Сибири [Митько, 2003; Митько, 2008]. При всей привлекательности различных аналогий, имею-

³ В Древней Индии из дерева шами вырезали нижнюю (женский элемент) дощечку для огнивого пробора [Махабхарата, 1987. С. 706].

щийся в нашем распоряжении материал не позволяет заполнить существующий хронологический разрыв и определить конкретные направления возможных культурных связей. Их существование в равной степени можно объяснить как диффузией культур, так и параллельным развитием отдельных обрядов и ритуалов, имеющих общие основы. Среди индоиранских «народных религий» существовало множество систем, носителями которых были различные социальные группы и племена, занимавших огромную территорию от Индостана до сибирской тайги. Из всего многообразия близких религиозных систем лишь одна нашла свое отражение в Ведах, а другая в Авесте. Связанные с ними различные погребальные практики, прежде всего кремация и воздушные захоронения, на определенном историческом этапе стали ведущими на территории Индии и Ирана. Но, наряду с ними, у носителей индоевропейских языков, проживающих в изолированных горных районах Внутренней Азии, сохранились отдельные реликты древних обычаев и представлений [Йеттмар, 1986]. Если принять во внимание гипотезу о локализации гянь-гуней на территорииВосточного Туркестана, то параллели с древнеиндийскими погребальными обрядами не выглядят излишне искусственными.

Р. Б. Пандей предложил рассматривать обряд астхисанчаяна как показатель смены трупоположений трупосожжениями. По его мнению, это «компромисс между двумя обычаями» [Пандей, 1990. С. 191]. Сибирский материал позволяет выдвинуть другое предположение: погребение на Староозначенской Переправе является отражением практики вторичных захоронений останков умерших. Вторичные погребения и парциальные захоронения, связанные с сезонным характером захоронения, были широко распространены на территории Сибири и Дальнего Востока, начиная с эпохи неолита – бронзового века. Общая практика посмертного обращения с телом и костными останками для разных археологических культур позволяет сделать вывод об эпохальном характере этого явления [Новиков, 2007]. Причем в археологическом контексте вторичные и парциальные захоронения чаще всего выглядят как разграбленные или преднамеренно потревоженные [Васильев, 1989; Кузьмин, 1997]. Для таштыкской культуры захоронения костных останков скелета, предварительно очищенных от мягких покровов естественным или искусственным путем, характерны в той же степени, что ингумации и кремации, и являются лишь частью более обширного многоступенчатого погребального ритуала. Зачастую вторичные захоронения представлены «неполными» скелетами, одно из них совершено в могиле 27 (парциальное погребение). В один ряд с ним можно поставить и погребение 29 с имитаций скелета человека, выложенного из останков кальцинированных костей и пепла погребального костра.

Список литературы

Алексеева Т. И. Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями Черняховской культуры // СА. 1975. № 1. С. 264–270.

Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. 306 с.

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Охранные раскопки верхнеобского кургана № 8 на могильнике Озерки I в 2005 г. (Калтышинский археологический микрорайон) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 212–218.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.

Вадецкая Э. Б. Маски-Урны (по материалам склепа Белый Яр III) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 140–148.

Васильев Ю. М. Вторичный обряд или разрытые погребения // Новое в дальневосточной археологии (материалы медиевистов). Южно-Сахалинск, 1989. С. 27–30.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.240 с.

Длужневская Г. В. Урочища с могильниками енисейских кыргызов в Саянском каньоне Енисея как святилища кыргызов IX–X вв. // Святилище: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 232–235.

 \mathcal{L} ьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКАЭЭ: Материалы по археологии и антрополо-

гии могильника Кокэль. Л., 1970. Т. 3. С. 80–209.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. 197 с.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 511 с.

Итина М. А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 15–18.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. 526 с.

Козловская М. В. К вопросу о возможности исследования кремированных костей // Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. Вып. 1. С. 174–181.

Комаров В. А., Фокин А. Ф., Франтов Г. С. О применении метода вызванной поляризации при археологических поисках кострищ с углем // СА. 1967. № 1. С. 301–304.

Кузьмин Н. Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1997. С. 146–155.

Кулемзин А. М. Арчекасские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 87–99.

Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 193–211.

Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М., 1988. 271 с.

Матющенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.

Мартынов А. И. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // СА. 1975. № 4. С. 231–242.

Махабхарата. Книга Третья. Лесная (Араньякапарва). М., 1987. 799 с.

Митько О. А. Таштыкская кремация и мумификация // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 3: Парадоксы археологии. С. 164–180.

Митько О. А. Особенности погребальной обрядности енисейских кыргызов в контексте индоевропейской культурной традиции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003. Т. 3, вып. 2: Археология и этнография. С. 64–74.

Митько О. А. Сожжение погребальных сооружений в системе традиционных религиозно-мифологических представлений населения степной части Среднего Енисея в І тыс. до н. э. — І тыс. н. э. // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы третьей научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Рижского. Новосибирск, 2006. С. 73—78.

Митько О. А. «Рождение огня». Индийско-сибирские мифологические образы и фольклорные параллели // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. Новокузнецк, 2008. С. 272–277.

Новиков А. Г. Погребения бронзового века Прибайкалья с нарушенной анатомической целостностью костяков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 109–117.

Отрощенко В. В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 172–190.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М., 1990. 328 с.

Попе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей // Зап. Института востоковедения АН СССР. Л., 1952. Вып. 1. С. 151–220.

 Π ииеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 150–162.

Тетерин Ю. В. Центральноазиатские элементы таштыкского костюма // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 65–65.

Тетерин Ю. В. Исследование могильника Староозначенская переправа I // Научно-практическая конференция, посвященная 250-летию Шушенского района. Шушенское, 1994. С. 19–23.

Тетерин Ю. В. Раскопки таштыкских погребений на юге Красноярского края // Обозрение 1994—1996. Новосибирск, 2000. С. 74—77.

Тетерин Ю. В., Готлиб А. И. Модели кинжалов таштыкской культуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 141–149.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

Шутлик Ю. П. К исследованию зубов, подвергшихся воздействию высокой температуры // Судебно–медицинская экспертиза и криминалистика на службе следствия. Ставрополь, 1971. С. 400–402.

Caland W. Die altindischen Todten – und Bestattungsgebrauchen. Wiesbaden, 1967. 188 s.

Mäder A. Die spätbronzezeitlichen und spätlatenezeitlichen Brandstellen und Brandbestattungen in Elgg (Kanton Zürich). Unter-

suchungen zu Kremation und Bestattungsbrauctum // Zürcher Archäologie. 2002. Heft 8. 214 s.

Medina J. Die Zahne bei hohen Temperaturen // Mitteilung des Sektors der Anthropologie der biologischen Gesellschaft in der DDR. 1996. № 17. S. 27–38.

Mays S. The Archaeology of Human Bones. London and New-York, 1998. 242 p.

Wells C. A Study of Cremation // Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology. 1960. T. 34. P. 29–37.

Материал поступили в редколлегию 07.10.2007

O. A. Mit'ko, Yu. V. Teterin

TASHTYK CREMATION: PROBLEMS OF INTERPRETATION (ON MATERIALS OF RESEARCH OF BURIAL GROUND STAROOZNACHENSKAYA PEREPRAVA I)

For tastyk cultures are characteristic various kinds of funeral ceremonialism. In crypts and earth tombs meet inhumation (including secondary burial places) and cremation. In 1996 in an earth tomb 29 on burial ground Starooznachenskaj Pereprava I in area Shushenskoe of Krasnoyarsk region the fixed burial in which remains of cremation have been located with observance of the anatomic order. Burning has been accomplished on the party. In a tomb from a funeral fire already cooled down remains have been transferred. Bones have been stacked on a contour of a figure of the person executed full-scale. Among them metal details of a belt, a bronze suspension bracket and a small vessel on the pallet are found out. Similar burial meets in tastyk funeral monuments for the first time. Close archeological parallels are traced in materials of excavation of burial ground Werchneobskaya culture Ozerki I. Accommodation of the burnt remains in burial according to the anatomic order typologically can be comparable to ritual folding burnt bones in an old Indian funeral ceremony astchisanchajna.

Keywords: inhumation, cremation, tastyk culture, Starooznachenskaya Pereprava, area Shushenskoe, bones, a funeral ceremony, κirgiz, secondary burial places.